

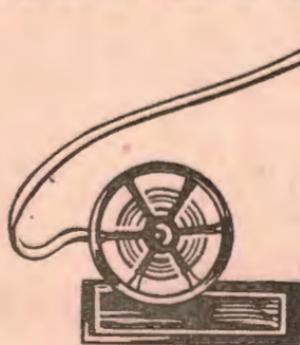
84(2=411.2)6-4

Ш626

БОЙЦЫ ТРУДОВОГО ФРОНТА

Ф. ШИНКЛЕР

пульс жизни

ПРОФИЗДАТ · 1942

М 319434 - ко

ФЕОДОСИЙ ШИНКЛЕР

24/2-444.2/6-4

Ч 626

1944 г.

ПУЛЬС ЖИЗНИ

(Записки телеграфиста)

АРХИВ

МОСКВА

ПРОФИЗДАТ

КО

КНИГОХРАНИЛИЩЕ
ГСК БИБЛИОТЕКИ
г. СВЕРДЛОВСК

1944-2

P-3

KO

9 сентября 1941 года

На фронтоне высокого бледноголубого здания золотом сверкают накладные строгие буквы:

ПОЧТА — ТЕЛЕГРАФ — ТЕЛЕФОН

Разыскиваю комендатуру. Меня соединяют с директором Центрального телеграфа. Беру телефонную трубку, кратко говорю о цели моего прихода.

— Вы инженер?

«Да, — хотелось сказать, — несколько особой квалификации». Но улыбаюсь сам себе и говорю:

— Нет. Телеграфист. Морзист.

— Зайдите. Вам сейчас выпишут пропуск.

Вот я в кабинете директора. За столом — сухопарый, бледнолицый, с чисто выбритым лицом мужчина. Всем видом своим и слабой застенчивой улыбкой он напоминает замкнутого, далекого от кипучей и напряженной работы телеграфа ученого. Только форменные петлицы на черном кителе с двумя синими звездочками на них свидетельствуют, что эта — директор. Весь облик его как-то располагает к себе, и говорить с ним легко, приятно. Я объяснил цель своего прихода.

— Минуту, — он берет трубку телефона и вызывает к себе начальника эксплоатации и председателя рабочего кома. Своеобразная комиссия просматривает мои документы. Отрыгистые вопросы, реплики.

— Двенадцать лет не работал на аппарате...

— Ну, что ж, попробуем? — показывает директор на стоящий в углу аппарат Морзе.

Подхожу. Берусь за ключ. Какое-то странное чувство охватывает меня. Я волнуюсь?! Стараюсь быть спокойным. Здесь, у этого так знакомого аппарата в один какой-то еле уловимый миг проносится передо мной вся жизнь.

...В раннем детстве с тревожностью бьющимся сердцем слушал я гудение телеграфных проводов... Вслушиваясь в неясные шумы, я силился разгадать в них человеческую речь, слова, составляющие телеграммы...

А шестнадцатилетним мальчуганом я уже был телеграфистом. Я узнал секреты своей профессии. Развеялась детская телеграфная «романтика». Все было обусловлено законами физики, действием электричества. И вскоре я стал равнодушен к своей специальности. Появилась другая специальность. Все мои помыслы и силы я отдал ей...

Берусь за ключ. Аппарат разрегулирован. Странная экзаменационная уловка! Сокращаю разгон ключа, поднимаю слегка якорь магнита — аппарат звучит четко, чисто. Начинаю работать и с удивлением замечаю: я не выпал из темпа последних лет своей работы на телеграфе, я работаю быстро! Несколько вязнут, иногда сливаюсь, тире. Это меня нервирует, — досадно перед моими экзаменаторами. А они, оказывается, удовлетворены.

— Довольно, — говорит директор, и легкая застенчивая улыбка снова появляется на его лице.

— Сразу виден морзист, — заявляет начальник эксплуатации.

Это уже звучит похвалой.

Короткое, вполголоса, совещание. Мне назначается двухнедельный испытательный срок. Получаю временный пропуск.

Итак, я снова телеграфист... Скажи мне это кто-ни-

будь три месяца назад, ни за что не поверил бы! Ну, что ж... Поработаем...

— Завтра в восемь часов утра — на дежурство. Зайдите сразу ко мне, — говорит начальник эксплоатации.

— Хорошо, — отвечаю я на первое распоряжение моего начальства.

10 сентября

Начальника эксплоатации я встретил в коридоре. Вместе поднимаемся на пятый этаж. У дверей часовой. Предъявляю пропуск, прохожу.

Громадный аппаратный зал ошеломляет меня шумом и треском стоящих ровными шеренгами аппаратов Бодо и Юза. В стороне — зал поменьше. «Клопферная» — читаю я на дверях. Разделенные стеклянной переборкой, стоят сдвоенные ряды «морзянок». По бокам они также отделены друг от друга стеклом. Это мне понятно: большинство морзистов — слухачи; при приеме они включают клопфер — небольшой усиленного типа магнитный якорь, помещенный в деревянном полированном, спереди открытом ящике, усиливающем звук. Ловя на слух телеграфные знаки — комбинации точек и тире, клопферисты принимают телеграммы без помощи ленты — на слух. Процесс приема значительно ускоряется. А стеклянные переборки заглушают стук соседних клопферов.

Прислушиваюсь. Работают телеграфисты хорошо, быстро и ясно.

Меня знакомят с бригадиром.

— Очень рад, — говорит он. — Вот хорошо! У меня не укомплектована смена.

Действительно, несколько аппаратов стоят сиротками. Их обслуживают, в нагрузку, дежурные соседних аппаратов.

Бригадир ведет меня к аппарату. Меня встречают лю-

бопытные взгляды моих новых коллег: пришел новичок! Это внимание порядком-таки смущает меня.

Замечаю: в смене, кроме бригадира, всего двое мужчин. Труд телеграфиста все более становится трудом женским. Много телеграфистов работают за ключом в другой обстановке, в другой одежде — в защитных гимнастерках, под аккомпанемент артиллерийской канонады.

На порученном мне проводе только один телеграфный пункт — несложный двухсторонний обмен.

Начинаю овладевать полузамытыми приемами работы. Меня вызывает партнер.

— НП, — говорит он.

Почему НП? Я помню в «мое время» прием предлагался условным ПП, что значит «прошу принять», а отвечали на это ПД — «прошу давать».

Поворачиваюсь к соседу. На меня приветливо, с вопросительной улыбкой, глядит черноглазая девушка.

— Что значит НП?

Мое недоумение смешит ее. Ее, видимо, интересует, что это за телеграфист, не знающий простых вещей!

— «Начинаю прием». А согласие дается буквами ПО — «прием обеспечен».

— Благодарю, — я берусь за ключ и даю это ПО. Категоричность формы предложения — «начинаю», а не «прошу» — мне не нравится.

Девушка дружелюбно следит за поведением новичка-соседа. У меня кончилась лента. По привычке я хотел нажать ключ — прекратить прохождение тока. Я выбрал «лента вся» и схватил бланк, чтобы вдвинуть его, как изоляцию, между контактами ключа.

— На что это? — соседка подходит ко мне и выдергивает из прикрепленной к столу розетки штепсель. В ту же минуту я угадываю назначение розетки: посредством нее включается в линию аппарат или клоп-

фер, смотря по необходимости. А третья, непредусмотренная функция розетки — вот это самое «нажатие».

— Но это не нужно, — как бы продолжает мою мысль соседка. Она снова включает аппарат, берется за ключ и выбивает короткое слово «миг». — Партнер подождет минутку и без нажатия.

— Спасибо, — снова благодарю я ее и в знак благодарности решаю удовлетворить невысказанное любопытство соседки:

— Я двенадцать лет не работал на телеграфе.

— Ах, вот как!..

Я вижу, однако, что не достиг своей цели. Я только вызвал у соседки новое недоумение — а кто ты, а почему снова пришел на телеграф? Эти вопросы написаны на ее подвижном, выразительном лице. Но мне не хочется говорить о себе. К чему?

Настало мое время передачи. Я беру пачку лежащих за аппаратом телеграмм и — снова обескуражен. На первом бланке наклеена ряд за рядом телеграфная лента. Но на ленте этой не обычный буквенный шрифт Бодо или Юза, а нечто вроде неровной черты метеорологической записи. Что сие значит? Беру другую телеграмму, третью, — то же самое. Набралось этой сейсмографии штук восемь.

Я слышу приглушенный смех. Это, конечно, соседка. Смешливые морщинки уморительно сбежались к ее переносице.

— Что за чорт? — вслух говорю я. — Никогда не видал таких иероглифов...

Она смеется, уже не таясь. Потом берет чистый телеграфный бланк и кладет его к верхнему краю иероглифической черты. И я отлично вижу знаки азбуки Морзе. Нижний край черты только соединяет отрезки верхних знаков.

— Это ондуляторная запись. Телеграмма принята по радио путем пущивания...

— Понятно! — обрадовался я. Эти термины мне знакомы, но мне не приходилось видеть их овеществленными.

И еще не раз приходила мне на помощь соседка. Она, видимо, решила взять шефство надо мной. Ничего не имею против. Мне приятно ее внимание.

— Как вас зовут? — спросил я ее.

— Татьяна Сергеевна. А вас?

— Леонид Сергеевич.

— Братец, выходит?

— Да, сестрица, меньшая сестрица.

— Согласна, — говорит она.

Согласие на дружбу? Хорошо. Будем дружить.

Я передаю ондуляторные телеграммы, передвигая по иероглифам чистый бланк. Это не совсем удобно, но без бланка глаз мой не различает знаков верхней черты.

Вот и смена. Незаметно прошло дежурство.

— Много же вы из-за меня сегодня «мигнули», — виновато говорю я сестрице, показывая на ключ.

— Пустяки. Зато у вас не было лишних заминок. И я свою работу сделала. Ну, до завтра... Нет! До вечера. Сегодня мы робим ночь.

— До вечера!

Робим — работаем. Так говорят уральцы.

11 сентября

Вчера в двадцать четыре часа местного времени (в двадцать два — московского, по которому ведет счет времени телеграф) вступил в первое ночное дежурство.

Я не получил еще постоянного рабочего места, буду дежурить на разных проводах, заменяя товарищей, пользующихся выходным днем (общего выходного дня на телеграфе с его беспрерывной работой ведь не может быть). Таков мой удел новичка.

Присматриваюсь к новым моим соседям. Мое внимание привлекает сосед справа, средних лет мужчина. Он

сидит прямо, не горбится, как многие телеграфисты. Его подобранный, аккуратный вид гармонирует с суховатыми, резкими чертами лица. Он до странности похож на английского лорда.

Сосед тоже интересуется мною. Он изредка бросает в мою сторону быстрый взгляд, прислушивается к звуку моей работы, следит, как я принимаю.

Работаю я напряженно. Ощущаю томительную усталость. Хотя я и поспал часа два перед ночным дежурством, но под утро, к 6—7 часам, веки наливаются свинцом, непроизвольно слипаются — меня неудержимо клонит ко сну.

Я помню эти томительные предутренние часы дежурства в юношеские годы. Громадным напряжением воли удавалось мне тогда вырваться из тяжелых лап сна. А сегодня я был бессилен. Как ни старался я превозмочь сон, он не отступал от меня, давил своей грузной тяжестью на мозг, обволакивал тело, связывал руки. Я начинал выпадать из действительности, летел в глубокую пропасть. Тяжелые объятия вдруг становились мягкими, бережными, ласковыми. Бороться с этими предательскими объятиями было нелегко.

Мой сосед улыбается и, теряя надменность лорда, лукаво говорит:

— Давно не дежурил?

— Двенадцать лет!

— Эге! А работаешь ничё (уральское — ничего).

Ну, значит, и тут я выдержал испытание.

Критические часы изнурительного единоборства со сном прошли. Благополучно кончу дежурство.

Спать! Спать! Спать! — одна только мысль, одно желание владеет мною. Спешу домой.

12 сентября

После дневного отдыха — снова на ночь.

И опять на новом месте с новыми соседями. Работы

много, поспевай только управляться. Занятый работой, разгоряченный ею, я забыл о сне. Или сон забыл обо мне?

15 сентября

Ларош. Яклак. Евкеjh. Зегми. Зезер. Жиршу.

Причудливые, странно звучащие слова. Это не живой иностранный язык и не эсперанто. Это — банковский, кодированный условный лексикон. Банковские переводные телеграммы пестрят такими вот «ларошами» и «зезерами». Мне не приходилось встречаться с этим «языком», и с непривычки я боюсь исказить телеграмму. Я знаю (сестрица, конечно, сказала), что слова банковского кода слагаются из пяти букв и в них должно быть не менее двух гласных звуков. Это мне помогает в приеме кодированных телеграмм. Но все же внимание при приеме их удваивается. Вот это удвоенное внимание чуть не подвело меня.

Парадокс как будто? Однако это так.

Дежурил я на четвертом по счету проводе. Сегодняшний мой аппарат обслуживает две линии. Когда истекает определенное графиком время одной линии, переключаешься на другую (за аппаратом стоит своеобразная «скворечница» с двумя штепсельными гнездами и застекленными окошечками над ними).

Углубился я в свои «яклаки» и забыл о графике. Вдруг ко мне подходит бригадир. Лицо его встревожено:

— Вас зовут на «авио»!

Гляжу, а в окошечке над штепсельным гнездом линии, с которой мне нужно было начать работу пять минут назад, мечется белая полоска бумаги и слышится характерный шлепающий звук.

И как я не услыхал этого приглушенного вызова? Перебиваю «яклаки» словом «миг» (если бы лента могла говорить, этот «миг» прозвучал бы на другом конце

проводы, как крик) и переставляю штепсель. Шлепанье переходит в нормальный звучный вызов. Я отвечаю.

— Эх, ворона! — говорит партнер.

Нервно списываю с ленты телеграмму. Смотрю на часы: замедление на две минуты. Бегом доставляю телеграмму на стол сортировки, возвращаюсь, благодаря партнера за то, что догадался позвонить по телефону.

Воспримем урок: нужно работать спокойно, с учетом всех особенностей рабочего места, чтобы избежать неожиданных промахов.

То, что «авио»-депеши передаются вне очереди, то, что за три—четыре минуты такая депеша проходит тысячи километров, преодолевая два—три переприемных пункта, — это все внешняя сторона дела. А какой громадный смысл заложен в коротком наименовании депеши — «авио»! Во сколько крат возросло значение его в наши боевые дни!

На базах, аэродромах стоят шеренги мощных самолетов. В их вместительных фюзеляжах срочный груз — ответственные детали машин и агрегатов, ценное производственное сырье для заводов и фабрик, срочная, государственной важности, почта. На летных площадках, в укромных перелесках готовы ежесекундно взмыть ввысь грозные вооруженные крепости. Их чрево полно бомб, торпед. И вот в командные пункты стекаются со всех концов страны короткие телеграммы. «Авио»! Синоптики тщательно сверяют, суммируют их, они определяют безошибочный прогноз погоды. И тогда наступает старт. Рокочут моторы, самолеты отрываются от земли. Летчики уверенно ведут воздушные корабли, они спокойны за свой путь.

Как четко должна работать связь! Как горд должен быть телеграфист, сокращая хотя бы на полминуты срок прохождения «авио»!

— А я?

Ворона...

17 сентября

Дежурил утром.

Принимаю служебную телеграмму: «Ваш пертель № 434 шифр неверен. Твердите». Что за «пертель»? Ничего себе слово! Что оно значит? И тут меня осенила догадка: перевод по телеграфу. «Пертель»! Бессмертное словотворчество почтового ведомства! Достойно внимания и это «твердите» — сиречь «подтвердите».

Телеграф вообще вносит в язык довольно оригинальные словесные обороты и речения. Иной раз и не поймешь: к чему и зачем? Есть грамотное слово «телеграфирайте», вдруг ни с того ни с сего появляется «телеграфьте». Вместо «срочно сообщите» упорно лезет в голову созданное по примеру удачного «молнирайте» безобразное «срочите». Но оригинальнее всех, пожалуй, этот звучный «пертель».

21 сентября

Сокращая путь, глухими переулками шел я к ЦТ. Из распахнутого окна покосившегося домишко, осевшего под тяжестью громоздкой, вздутой пузырем крыши, донеслись до меня звуки бравурной музыки. Патефон. «Твои розы цвели для меня». Я ускоряю шаг, стремительно поворачиваю за угол.

В цветущих садах моей родной Белоруссии изломаны розы, нежные лепестки их безжалостно смяты, они растоптаны тяжелым сапогом. И не задушевные песни моего народа привольно льются из оскверненных садов, — стонь изувеченных матерей, проклятия девушки, плач осиротелых детей взывают о мщении.

Гневом закипает кровь, огнем пылает сердце.

Не помню, как очутился я в аппаратной.

— Авио!

— Авио!

— Авио!

— слышу со всех сторон.

Я перевожу дыхание. Бросаюсь к аппарату и через минуту радостно возвещаю:

— Авио!

Я вижу, — да, я вижу! — в чистом голубом поднебесье мчатся на Запад стаи стремительных ястребков, эскадрильи мощных бомбовозов. Я слышу грозную и победную песню их могучих моторов. И эта торжественная песня волнует меня.

Мне хочется крикнуть славным соколам-летчикам:

— Летите, милые, быстрее! Свергайте свой смертоносный груз на головы врагов нашей родины! Пусть льется и дымится их черная, поганая кровь. Тучной и плодородной станет земля. И в знак очищения и возрождения ее снова в садах будут цвести и благоухать пышные багряные розы.

— Авио!

— Авио!

— Авио!

— несется со всех сторон.

Какой сегодня чудесный летний день!

23 сентября

Случилось то, чего я опасался с первого дня моей работы и чего, казалось мне, я счастливо избежал.

Я сбил руку...

Начал я работать в быстром темпе и был доволен, что смогу идти на уровне лучших работников.

И в этом была моя ошибка.

Сегодня с утра я приступил к передаче, надеясь быстро ликвидировать накопление телеграмм (ночью этот провод не работает). Но мой партнер — молодой и слабый еще работник, — хотел принимать вслед.

— Давайтише, чего трещишь, — перебил он меня.

Я попробовал работать медленнее. Это мне давалось с большим трудом. Отвыкшая от ключа кисть руки еще не разработалась, перемена темпа была ей не под силу...

Тире получались неровные, буквы неодинакового размера — то большие, то малые. Одним словом, шрифт безобразный. Я стал усердствовать, нервничать. Вдруг начали срываться точки, они «повисали на столбах», как иронизируют телеграфисты. Мою работу невозможно было уже читать — я видел это сам по ленте. Рассерженный вконец, я вернулся к привычному темпу, но... не тут-то было! С буквами «а», «в», «п», «р», начинающими się точкой, была та же история: точки «повисали на столбах»... Дать эти буквы стало мучительно трудно: я весь сжимался, рука судорожно вздрагивала, «нацеливаясь» на точку, а она срывалась и получалось «м» вместо «в», «г» вместо «п». Я знаю, какое удовольствие принимать такую работу!

Надо было давать знак перебоя, возвращаться на слово-два назад и снова дрожать над роковой точкой. Мучился сам, мучил партнера...

Вот это и есть сбить руку — самая ужасная профессиональная травма телеграфиста, надолго, а то и навсегда делающая его калекой. Выправить сбитую руку можно только заставив себя работать очень медленно, ритмично (а главное, спокойно, не горячась), надолго забыв о быстром темпе. Не всем это удается, многие навсегда теряют гладкость и равномерность шрифта. Тире у них разные по величине даже в одной букве, точки неряшливы, часто срываются.

Я был подавлен, расстроен, настроение упало.

В конце дежурства сестрица объявила мне:

— Вас вызывают к начальнику эксплоатации.

Не было печали...

Сдаю дежурство и отправляюсь к начальству.

Начальник эксплоатации приветливо встретил меня:

— Вот отдаем приказ о зачислении вас телеграфистом-морзистом первого разряда.

— А... испытание? — недоумеваю я.

— Нет надобности. Работаете вы хорошо, жалоб на вас не поступало, наоборот — отзывы самые лестные.

Вот те и раз!

— В какую же вас смену определить? — задумывается начальник эксплоатации.

Мне не хотелось бы уходить из смены, где я уже имею друзей, где не надо привыкать к новым людям.

— А нельзя ли остаться в этой смене?

Начальник улыбнулся.

— Понравилось? Ну, ладно. И бригадир просил оставить вас у него. Получите постоянный пропуск — и вот прочитайте и распишитесь.

Он подает мне листок с известной мне формулой подписки о сохранении телеграфной тайны. Читаю, расписываюсь.

Итак, я телеграфист ...ского Центрального Телеграфа.

24 сентября

— Ну, — сказал сегодня утром бригадир, — раз вы уже постоянный телеграфист, получите и постоянный провод. Вступайте на Мартъяново.

Перехожу к новому, постоянному, наконец, рабочему месту. Осматриваюсь: справа — Татьяна Сергеевна, прямо передо мной, за стеклом — «лорд», Михаил Николаевич. Соседство этих людей мне приятно.

На проводе две станции: Мартъяново и Бор.

Вызываю Бор, предлагаю депеши.

— Кто робит? — встречный вопрос.

Называю себя.

— Не знаю такой. Ну ладно. А я Нина Ощепкова. У меня шифровка.

— Сменю ленту.

— Приготовилась, милка? — спрашивает моя новая знакомая.

— Приготовился, — отвечаю.

— Ты кто: он или она? — снова вопрос любознательной незнакомки.

— Он, — говорю.

— Ну, все равно, — резонно отвечает Нина. — Робим.

— Робим.

Я принимаю шифровку и сдаю ее вместе с лентой в отдел, ведающий особо важными депешами. Начинаю передачу. Работаю ровно и медленно. Но все же над точками «дрожу». Нелегко будет мне исправить сбитую руку...

С интересом вникаю в содержание принимаемых телеграмм — ведь это «мой» провод! К концу дежурства я уже в основном знаком с экономикой районов Мартыново и Бор. Мартыново — угольный район, Бор — преимущественно сельскохозяйственный, но имеет и металлообрабатывающие заводы — типичный для Урала комплекс. И в Мартынове и в Бору спешно монтируются эвакуированные из прифронтовой полосы заводы, пополняя их промышленную базу. Бесконечным потоком идут телеграммы о работе старых и новых, частично уже смонтированных заводов. Депеши ответственные, провод, стало быть, серьезный.

Сдаю дежурство. Подсчитываю: передал 48 телеграмм, принял 56. К смене расшил провод — всеочные остатки ликвидированы.

Недурно! Я доволен собой.

30 сентября

Нагрузка провода, да не только моего, растет. Ночное затишье давало возможность разгрузить провода, и утренняя смена часа два работала с прохладцей, пока увеличивался поток телеграмм от начавших работу учреждений, заводоуправлений. В последнее время не то: сплошь и рядом утренняя смена находит на проводе по 30—40, а то и больше, непереданных телеграмм, да около этого бывает и на каждом линейном пункте. Работа идет в напряженном темпе круглые сутки.

Хочется работать быстро, четко. Ведь каждая теле-

грамма, переданная на час-два скорее, — это на два часа скорее доставленная директива, на два часа раньше разрешенный сложный вопрос работы оборонного предприятия, это во-время полученное боевое задание. Я не совру, если скажу, что это — лишний снаряд, лишняя мина, лишняя пулеметная очередь.

И если я способствовал такой «лишней» отливке металла, значит, горячейстью залита еще не одна жадная звериная глотка гитлеровского бандита.

И я горжусь своей работой, я ощущаю, почти весомо и зримо, ее ценность.

5 октября

«Каменный пояс» — так в далеком прошлом называли Урал первые исследователи обширной земли русской. Они и не подозревали, что таит в себе этот поразивший их своей протяженностью гигантский пояс необъятной страны.

«Арсенал государства Российского и сокровищница драгоценных украшений его», — так говорили позже пытливые геологи, изумленные богатствами недр этого единственного в мире, загадочного и прихотливого порождения природы.

Но они не могли предвидеть исключительной роли Урала в переустройении отсталой России.

Только социалистическое наше государство смогло по-хозяйски использовать неисчислимые богатства Урала — вскрыть их, поднять из недр и обратить на укрепление мощи страны, на ее процветание. И каждый новый день показывает, как щедра была природа, заложив в Урале несметные богатства. И сколько он таит в себе неизведанного!

Каждый день приносит новые находки.

Редчайшие металлы, в сплавах с которыми сталь приобретает несокрушимую твердость, непробойность. Ценные цветные металлы, требующиеся для всех видов во-

оружения, найдены в эти дни в самых различных пунктах чудесного «каменного пояса». Новые россыпи драгоценных камней. Но ведь это не просто сверкающие безделушки. Это детали точнейших приборов, механизмов, используемых в борьбе с врагом! Да, в наши дни Урал — единственный в мире арсенал, дающий все, буквально все необходимое для вооружения страны.

Сегодня Михаил Николаевич постучал карандашом по стеклу. Гляжу — просовывает над конвейером телеграмму: читай, мол.

Читаю. В глухой мансийской деревушке крестьяне обнаружили редкостную глину. Зная, что в нашей стране ничто не лежит втуне, они показали свою находку местному специалисту — учителю средней школы. По мнению учителя, это шамотная глина. И невдалеке — завод, он варит сталь. Шамотный кирпич для домен доставляют ему поездами. А подвижной состав нужен для подвозки боеприпасов фронту. Все взвесили и учили эти следопыты-патриоты! Они сообщили о своей находке Уральскому филиалу Академии Наук.

— Ну, как? — красноречивым движением головы спрашивает Михаил Николаевич. И протягивает руку — он хочет самолично опустить депешу на конвейер.

— Как? Отлично! Замечательно! — мимикой высказываю я свое восхищение.

Михаил Николаевич бережно опускает депешу на конвейер.

В конце дежурства я «постучался» к моему приятелю. Тоже протянул ему депешу. В Боре есть алюминиевый комбинат. Коллектив рабочих, зная, что стране нужны десятки тысяч боевых самолетов, удвоил добычу алюминия. Расположенные вблизи комбината бокситовые рудники уже не удовлетворяли его потребностей, они лимитировали возможность электролитных цехов. Как быть? Привозить руду издалека? Нет! И тут нашлись следопыты. Только они были вооруженнее, не-

жели манси из захолустной деревушки. Они пошли по ответвлениям эксплуатируемых месторождений бокситов и в девяти километрах обнаружили новые, еще более богатые. Выводы были сделаны на месте: в свободное от работы время рабочие комбината шли в поле, выполняли непривычную для них работу и за короткое время проложили семь километров железнодорожного пути к новому месторождению. Скоро будет готов весь путь. Руководство комбината требовало предоставить ему паровоз для подвозки руды.

— Ну, как? — спрашиваю я у Михаила Николаевича.

— Здорово! Превосходно! — слышу приглушенное стеклом.

То-то же, что здорово!

9 октября

После ночного дежурства сегодня было сменное собрание. Один вопрос разбирался только. Неприятный, правда. Наша смена отстает, идет в хвосте. На Бодо и Юза не выполняется задание по обработке телеграмм. Неважны дела и в клопферной. Нередки случаи, когда мы не справляемся с приемом и депеши приходят почтой. Позор!

Докладывала диспетчер Наркомата связи. Приводила ряд цифр. Сперва о передовиках, затем об отстающих. Вдруг назвала мою фамилию.

— Он у вас клопферист первого разряда...

— Морзист!

— Морзист!

— поправили с места.

— Ну, морзист. Это неважно... А задание выполняет только на 85 процентов.

Сестрица порывается что-то сказать, видимо, оправдывать меня хочет. Я беру ее за руку:

— Спокойно, Татьяна Сергеевна.

— Да она не знает...

Она, конечно, не знает, что я новичок с двенадцатилетним перерывом в работе, она не знает и того, что я сбил руку. Последним я, правда, не хвалился и сестрице:

— Не надо! — говорю я. — Она права...

— Да как же...

Я сжимаю крепче ее руку. На нас начинают оглядываться. Сестрица недовольно хмурится и отворачивается от меня.

Да. Насчет задания надо подумать. Перворазрядник — и в хвосте!

Я не привык быть худшим.

14 октября

Как добиться выполнения нормы? Над этим я задумался всерьез. Выполнение нормы — это увеличение оборота, это не только своевременная передача, но и рост количества принятых телеграмм. А это тоже необходимо: Бор не справляется с работой и ежедневно присыпает почтой 50, а то и больше телеграмм. Правда, почтой идут специально отобранные, неспешные телеграммы, но какая же это телеграмма, если она, хотя бы и часть пути, идет наравне с письмом!

Об ускорении темпа работы говорить не приходится. Конечно, дело у меня идет на поправку. Работая медленно, плавно, я не нацеливаюсь так судорожно на точку в начале буквы, как еще несколько дней тому назад. Но нельзя форсировать этого процесса «выздоровления». Сорваться и стать навсегда «калекой» я не хочу.

Присматриваюсь. Ишу. И нахожу ряд мелочей, каждая из которых поможет мне выгадать минуты. А из минут, как известно, складываются часы.

Устанавливаю себе закон:

Иметь два-три очищенных карандаша, — тогда не будешь тратить время на очинку в течение рабочего дня.

Вступая на дежурство, обеспечить себя запасом бланков. Наполнить краской чернильницу аппарата, — меньше будет хождений во время работы.

Принимая депеши, не хватать пачку бланков — до входящих, то проходящих, а, оторвав штук по двадцать тех и других, сложить вместе, «лицом» наружу. Тогда только переворачивай эту сдвоенную пачку, — упраздняются лишние движения.

Найдены эти мелочи. Найдутся и другие.

17 октября

За вчерашний день из Бора прибыло почтой 45 телеграмм. Вчера я изменил систему работы с Бором. Правила телеграфной эксплоатации рекомендуют вести обмен по одной телеграмме: одну принял, одну передал. Это неудобно. Отнимает время, хотя бы на условные НП и ПО. Обычно по взаимной договоренности обмен ведется по пять или даже по десять телеграмм. Так я работаю с Мартыновым. Там хорошие работники, и система «по десять» ускоряет обработку, следовательно больше можно сделать за получасовой сеанс. Мартыново ни разу не прибегало к помощи почты для ликвидации накопления депеш.

В Бору работники слабые. Нина Ощепкова старается больше передать и меньше принять. Она и спорщик искусный, найдет двадцать причин, чтобы отказаться от приема. Споры съедают массу времени.

Попробовал я работать с Ниной «по пять». Ничего. Получается. Не надо только задевать самолюбие упрямицы. Стараюсь говорить с ней как с равной, ничем не выпячивая своего превосходства. Это, вижу, льстит ей. В конце дежурства я, будто невзначай, говорю:

— А хорошо работалось сегодня, Нина?

— Да, хорошо. Мне теперь нравится с тобой работать, милок.

Попутно я наконец ликвидировал вопрос с борчанскими «молниями». Он все время был неразрешимой, нервировавшей меня проблемой. Главная трудность ее была в том, что я шел тут против правил. Я видел: жизнь отвергает правило о «молниях», выявляет всю его несостоятельность в изменившейся, военной обстановке.

«Молния», независимо от ее содержания, только потому, что за нее подателем уплачено значительно больше, чем за «простую» телеграмму, передается вне очереди, вне графика. Работаю с Мартыновым, депеши у нас серьезные и спешные по содержанию, но вот врывается Бор:

— Молния, — говорит Нина Ощепкова.

И мы должны прекратить обмен, я должен принимать «молнию» от Бора. Все бы еще ничего, но обычно заявляется долгий и бесполковый спор.

— Я кончу передачу, — говорит Мартыново.

— У меня молния, — снова перебивает Бор.

— Да ты читай, у меня важная, — не сдается Мартыново.

— Не дури. Молния, — настаивает Нина.

— Дай хоть окончить депешу, — ввязываюсь в спор я, желая закончить начатый бланк, не откладывать его в сторону, нарушая очередность нумерации бланков в журнале.

— Не знаешь правил? Зови брига (бригадира), — страшит Бор.

И так минут пять и больше идет бесцельная перепалка. А за дежурство она повторяется раз восемь. Сколько же времени тратится впустую?

Я вчера сделал иначе. Когда ворвался Бор и заявил: «Молния», я сразу же принял ее. Депеша была пустяковая: «Если имеешь письма Тоси, перешли мне, Соня».

Ничего не станется, если придет эта депеша на час позже. А передачей ее отодвинуты «простые депеши», устанавливавшие заводам новую, повышенную программу производства. Тут ведь каждый час дорог!

Пришла моя очередь работать с Бором. Передал я Нине подобную по содержанию телеграмму и спрашиваю:

— Скажи, милка, какая депеша важнее — твоя «молния» или эта?

— Эта, — говорит.

— А которую раньше надо передать?

— Да отвяжись ты, — поняла цель моего вопроса Ощепкова.

— Ну, а ты все-таки скажи, — не унимаюсь я.

— У меня была «молния», — уклоняется она от прямого ответа.

— Молния, молния. Что ты так боишься этого слова? Текст читай и соображай.

— Буду я соображать, так мне же и нагорит потом за замедление.

— А ты не бойся, и не нагорит, — подбадриваю я Нину. — Вот у меня четыре «молний» таких, как у тебя, лежат, а я их передам только в конце сеанса. Не будешь спорить — и они быстрее дойдут до адресата.

— Шутишь, — сомневается Нина.

— А вот посмотришь, — и я даю подряд несколько простых, но важных телеграмм, а в конце — четыре пустяковые «молнии».

Пример был, надо полагать, наглядным.

Нина больше не мешала мне работать с Мартыновым. «Молнии» она передавала в свой сеанс, хотя и в самом начале работы. Первый шаг был сделан. Работа шла хорошо, без глупых споров.

Считаю количество сработанных слов — 96 процентов нормы. То-то же!

19 октября

Ангел Гаврилович Архангельский.

Ничего, а?

Это — адресат одной из принятых мною телеграмм. Так и пахнуло на меня ладаном и перегаром восковых свечей. Потомственная духовная особа, надо полагать.

И сохранился же такой анахронизм!

А вот другая фамилия: Роо. Басовая октава —
Ро-о-о...

Эстонская что ли?

20 октября

В мансийскую деревушку выезжала экспертиза Академии Наук. Деревенские следопыты не ошиблись: они нашли шамот. Начинается разработка. Михаил Николаевич торжествует.

А мне похвалиться нечем... Паровоз в Бор еще не доставлен, хотя и было напоминание директора комбината.

21 октября

Крикнем, Леонид Сергеевич (ну, негромко, хотя бы даже про себя), ура! Сработали сегодня 104 процента нормы. Молодцы мы!

А выправим руку — и не то будет.

23 октября

Работал быстрее. Ничего. Выходит. Рука уверenna, тверда. Точки ясны. Все на месте. 112 процентов.

24 октября

Еще смелее ускоряю темп. Нина Ощепкова оценивает «молнии», глядя не на магический штамп, а на суть дела. Молодец! Кстати, из Бора, говорит мой бригадир, вчера пришло почтой только 25 телеграмм.

25 октября

Еще одна молния пошла сегодня из Бора в главк. Насчет паровоза для доставки бокситов. Путь проложен, вагоны есть. Но сами они ведь по рельсам не бегают. А электролитный цех не загружен. Сколько самолетов теряем мы...

Рыбья кровь, наверное, у работников главка!

26 октября

Все в порядке. Из Бора нет «почто-телеграмм» — все идет по проводам. Я выработал 123 процента нормы.

27 октября

— А нельзя ли быстрее? — таким вопросом огорчило меня сегодня Мартыново.

Обычно линейные пункты требуют медленной передачи. И вдруг...

С Мартыновым у меня нет единой смены: там одна из телеграфисток имеет грудного ребенка и ночью не дежурит. В Мартынове какой-то сложный график дежурств — никогда не знаешь, с кем ты сегодня будешь работать.

Кто же это так расхрабрился там сегодня?

— Почему? — спрашиваю я.

— Да вы раньше работали медленно, стали работать быстрее. А еще быстрее не можете?

Значит, меня знает этот храбрец. Его вопрос показался мне подвохом.

— Могу, — вхожу я в раж. И думаю: «Я ж тебе покажу!» Начинаю работать быстро, как заправский сыпач. «Зашьешься, голубчик!» — предвкушаю я свое торжество. Кончая передавать пятый перевод и говорю: «Простые», но меня перебивают:

— Квит НП.

Что?! Неужели Мартыново принимает вслед?

— ПО.

Да. Мартыново дает квитанции, повторяя целиком все пять переводов. Все депеши приняты вслед. Со мной работает хороший приемщик.

— Вы на слух берете? — не утерпел я.

— Нет, с ленты. На слух не умею.

Здорово! Ведь принимать вслед с ленты труднее, нежели на слух.

Начинаю прием и вижу, что Мартыново и передает прекрасно: тире ровные, длинные, точки аккуратные. Ясный, четкий, очень красивый шрифт. Приятен и звук работы. Он музыкален (это верно, хотя и понятно только телеграфисту; некоторые морзисты достигают мелодичного, поистине музыкального звучания своей работы). Чувствуется уверенная рука, искусно владеющая телеграфным ключом. Мой загадочный партнер — артист своего дела.

Но мне работать с этим артистом нелегко. Я не успеваю брать вслед, отстаю. Не хочется ударить лицом в грязь. Я напрягаю все усилия. И все же в конце приема приходится заявлять «миг», а затем списывать с ленты телеграммы.

Кто же работает со мной? Спрашивать, выдавать свое любопытство не хочу.

Наступает 10 часов. В это время (а еще в 20 и 24 часа) телеграфные пункты сверяют итоги работы — сколько каждым принято и передано телеграмм от начала суток. Так выясняется, не передана ли какая-либо телеграмма «на ветер», все ли телеграммы приняты. Правильность итога подтверждается фамилией дежурного.

— Артемова, — говорит мартыновский виртуоз.

Ага! Теперь я знаю, кто сильнее меня. С Артемовой я дежурил очень мало. Все же... Как это я раньше не присмотрелся к ее работе?

Передо мной встает новая проблема. Передавать я

смогу и быстро, а вот с приемом — спасовал перед Артемовой...

Надо что-то предпринимать.

28 октября

Борчанские алюминщики обратились непосредственно в Наркомат. Рельсы праздно ржавеют в поле... Самоотверженный труд рабочего коллектива, его патриотический подвиг столкнулся с бездушностью, инертностью главка. И это в такое время, когда дорог каждый день, да не день, а час!

Как это обидно и возмутительно!

31 октября

Михаил Николаевич спрашивает:

— Что с паровозом?

А я сказать ничего не могу. Досада.

1 ноября

— Вы что, решили обогнать меня? — спросила сегодня после дежурства Татьяна Сергеевна. Она только что отошла от доски, на которой ежедневно фиксируется процент выработки нормы каждым работником. Сестрица частенько просматривает эти цифры — проверяет работу своих соперников из других смен.

— Где там нашему теляти да волка споймати, — отвечаю я ей белорусской пословицей. — Много надо поработать, чтобы добраться хотя бы до ваших обычных 150 процентов.

— Такими шагами, как вы пошли, немного осталось, — смеется она.

Тут началось собрание смены. Опять о выполнении норм. И опять говорил диспетчер Наркомата связи.

К концу месяца наша смена улучшила работу. Месячный итог — 102 процента. Пробрали отстающих, потом говорили о лучших. И вдруг:

— У вас есть клопферист (называет мою фамилию)...

— Морзист!

— Морзист!

— поправляют с места.

— Ну, морзист. Это безразлично... За первую половину месяца имел 85 процентов, а за вторую 125.

Ну и пошли тут дифирамбы. Мне было страшно неловко.

Вижу — Татьяна Сергеевна расцвела улыбкой. Небось, когда о ней говорили, о лучшем работнике смеяны, и краснела, и потупившись сидела.

3 ноября

Мне надоели вечные споры с Бором, бестолковая грызня и ругань. Быть не может, чтобы борчан нельзя было переиначить. Уладил же я с Ниной неразрешимый, казалось, вопрос относительно «молнии». Уладим и это. Нужна выдержка. Я решил воздействовать на моих молодых коллег исподволь, постепенно приучая их к человеческому обращению.

— Кто робит? — Это обычный вопрос в начале дежурства. Называю свою фамилию, партнер называет свою и говорит:

— Привет.

Вот и хорошо. Я логически продолжаю эту традицию. В конце дежурства я говорю:

— Ну, дсв (до свидания).

Для этого «дсв» я не ленюсь специально вызвать Бор. Однажды Нина возмутилась:

— Только и всего? Стоило для этого вызывать!

— А почему же? Ведь мы «услышимся» только завтра.

Так мы начали «прощаться» при сдаче дежурств. Установилась какая-то общность в работе, общность, которая чувствовалась даже на расстоянии.

Я пошел дальше. Попрошу, к примеру, дать какую-либо справку и затем говорю:

— Блг (благодарю).

Стал и меня «благодарить» Бор.

Как бы я ни был недоволен своим партнером, я никогда не позволю себе говорить с ним резко, грубо. Незаметно стали возникать товарищеские отношения. Нина Ощепкова перешла со мной на «вы». Надо полагать, фамильярное «ты» было одной из черт напускной грубости молодого еще работника. Первые шаги дружбы дали ей почувствовать неуместность этого «ты». Ведь это только первые шаги дружбы, когда «ты» не сорвалось еще с уст, не созрело!

— Кто робит? — спрашивает Нина. Назовешь фамилию и читаешь ответ:

— Это вы? Вот хорошо. Очень ... а. Привет.

Разве это не приятно?

С Ниной Ощепковой, как с «однным» телеграфистом, я работаю уже «по десять». Не помню, когда из Бора телеграммы приходили почтой. Бригадир мой изумлен:

— Что стало с Бором? Работники новые?

— Нет! — говорю я. — По-настоящему вошли в темп. Работают по-военному.

5 ноября

Авио, правительственная, молния — это все телеграммы, идущие вне очереди. К ним мы привыкли. Но есть один вид телеграмм, не часто встречающийся и привыкающий внимание всех. Возвещает о нем телеграфист с особой, подчеркнутой значительностью:

— Москва, Кремль!

Такую телеграмму принимал вчера я.

«Москва, Кремль, товарищу Сталину», прочитал я на адресе. Это была телеграмма из Бора, подписанная коллективом алюминиевого комбината. Хлопоты его о паровозе, напоминания остались без результата.

И тогда коллектив решил обратиться к товарищу Сталину.

Я принимал телеграмму и волновался. Мне близки и понятны были их обида, их надежда на помощь вождя. Но кто же в нашей стране работает больше Сталина, кто имеет больше его забот? Найдется ли время у Сталина уделить внимание просьбе далекого и небольшого коллектива борчанских алюминщиков?

6 ноября

Время у Сталина нашлось. Сегодня я передавал в Бор краткую телеграмму Председателя Государственного Комитета Обороны.

Будет у борчанских алюминщиков паровоз! Застучат по рельсам рудничной ветки колеса дополнена нагруженных бокситами думпкаров, весело и призывно будет гудеть паровоз, спеша к цехам комбината. Устроится выработка алюминия, возрастет выпуск самолетов.

С каким энтузиазмом будут работать борчанские алюминщики, гордые сознанием того, что вождь народов Сталин откликнулся на их просьбу, что отеческая рука Сталина поддержала их патриотический подвиг, что в каждой новой их производственной победе будет заложен и труд первого Героя Социалистического Труда нашей страны — Сталина!

7 ноября

Утром я шел на дежурство. Свежий морозный ветерок бережно вздувал красные полотнища транспарантов, шелестел в знаменах. Колонны рабочих стягивались к центру города — на традиционную демонстрацию. Перебираю в памяти один за другим прошедшие годы. Да. Это, пожалуй, первый Октябрь, что я не в колонне демонстрантов...

Вхожу в аппаратную. В руках товарищей вижу листы телеграфной схемы. Заглядываю через плечо Михаила

Николаевича, — схема для районных газет. Что такое? Нахожу первый лист: «Доклад Председателя Государственного Комитета Обороны товарища И. В. Сталина».

Сталин выступил на торжественном заседании в Москве! Жадно читаю листки схемы, ищу должения.

Спокойные, такие простые и такие волнующие сталинские слова. Ясный и проникновенный анализ событий последних месяцев. Сталинский убийственный сарказм по адресу самонадеянных и глупых врагов. Stalin указывает основные задачи советского народа в борьбе с гнусными гитлеровцами, в борьбе за честь и свободу нашей родины.

На весь мир прозвучала речь вождя народа. Когда он говорил с московской трибуны, боец на передовой линии фронта грудью встречал врага, уральский сталевар варил добротную сталь, из этой стали монтировалось грозное оружие. Каждый гражданин нашей великой родины выполнял свой долг перед отечеством. Единым боевым лагерем боролась и трудилась наша страна. Stalin сказал: нужно работать еще лучше, еще больше. Для нашей победы.

Так будем же работать не покладая рук!

8 ноября

Вчера вечером еще одна радостная весть: 7 ноября в Москве был парад.

Как всегда, как все годы — октябрьский торжественный марш. Шли мимо Ленинского мавзолея батальоны обветренных, закаленных в сражениях пехотинцев, мчались грозные, испытанные в огне боя танки. И Stalin принимал парад.

А еще совсем недавно бахвалился истеричный выродок, крикливый пигмей, имя которого обидной кличкой сочтут даже бездомные, шелудивые псы, что не кто иной, как он, Гитлер, будет 7 ноября принимать в Москве парад

своих оголтелых молодчиков. Нет! Не бывать вам в нашей столице, не осквернить вам нашей Москвы!

9 ноября

В Бор прибыл паровоз. Рабочие комбината обязались дать 300 процентов обычной нормы выпуска продукции. Сколько это будет новых самолетов? Конечно, я не знаю! Но будет много. Это мне понятно.

Михаил Николаевич потирает руки:

— Мы, уральцы, народ решительный. Видал? До Сталина дошли. Славно!

Говорит так, будто и он алюминщик.

10 ноября

Будем работать не покладая рук...

Сегодня попробовал принимать на слух. Конечно, не работу Артемовой, — это для меня пока недосягаемо. А вот работу Нины Ощепковой я брал на слух довольно сносно. Перед приемом предупредил ее, чтобы она не обижалась, если буду перебивать (это если не управлюсь, отстану), но перебивать пришлось мало.

Клопфер я не включал, не хотел, чтобы заметили — стыдно будет, если провалюсь.

— Ну, как? На слух? — спросила Нина в конце передачи.

— На слух.

— Молодец!

Конечно, молодец: 135 процентов нормы дал.

12 ноября

Позабавила меня сегодня мартьяновская Наденька Федоровских.

Передаю депешу из Ленинграда:

«Здоров, береги себя, ходи осторожно».

— Почему «ходи осторожно»? — спрашивает Наденька.

— Эх вы, женщина! — возмущаюсь я. — Это будущий папаша заботится о будущем своем ребенке.

— Да? — поразилась Наденька. — Ага...

Это наивное «да?» рассмешило меня.

16 ноября

Точно установлено: Роо — эстонская фамилия.

Нет, не зря я заинтересовался ею! Мои записи сделали меня очевидцем, да и не очевидцем, а участником волнующей житейской истории. Три дня отдал я ей, но не жалею этих дней и никогда их не забуду.

Вот как все произошло. После утреннего дежурства мы остались на субботник. Зашился КСО.

Все столы контрольно-сортировочного отдела были завалены кипами не разобранных и не отсортированных после передачи по проводам телеграмм. Обмен увеличился почти втрое, и работники КСО неправлялись. Потонув в ворохе бумаги, они завопили о помощи. Так организовался наш субботник.

Мы уселись за столы и начали подбирать телеграммы. Подобранные и подшитые за каждый день и по каждому проводу отдельно, они складывались в стоящие рядами полки-клетушки, своеобразные телеграммные «соты».

Я подбирал исходящие телеграммы. Совершенно случайно увидел подпись на одной из них: «Евгения Роо».

Знакомая фамилия! Она понравилась мне своей краткой выразительностью. Читаю текст: «Помогите найти моего дорогого Аугуста. Со дня эвакуации из Таллина не имею вестей о нем». Кусочек человеческой драмы, крик изболевшегося сердца...

Я задумался: где же встречал я эту фамилию? Конечно, в телеграмме! Зрительная память у меня хорошая, я вспоминаю: Роо — это была подпись телеграммы. Но какой телеграммы? Передавал я ее, принимал? Если передавал — не помню, где она подана, если при-

нимал — не знаю, от кого. «Помогите найти Аугуста... дорогого Аугуста»... будто ко мне взывали эти слова.

Я рассказал об этом Татьяне Сергеевне. Она живо заинтересовалась. Судили мы, рядили, но... ничего придумать не могли.

— Знаете, контролер может вам помочь, — говорит вдруг сестрица.

Я мчусь к Елене Владимировне. Глядя на ее пушистые светлые волосы, я всегда вспоминаю белорусскую народную песенку «Ах, и сеяла Сергеевна ленок»...

— Трудно. Даже невозможно... — разводит она печально руками. — Вы видите, какие тут горы?.. Нужно знать хотя бы число подачи, если депеша от нас исходила, или приема, если она была проходящая...

— Число? Будет число. Я знаю число! — обрадовался я.

— Ну, которого? — вспыхнули искорки в серых глазах контролера.

— Сейчас не скажу... — смешался я. — Вечером, когда приедем на ночной дежурство...

Прибежал домой, схватил мою тетрадку — есть! Депеша проходила девятнадцатого октября.

Конечно, мне не удалось уснуть перед дежурством. За полчаса до смены я уже подходил к ЦТ. Елена Владимировна тоже пришла раньше времени.

— Ну? — встречает она меня.

— Девятнадцатое октября.

— Идем в КСО.

Минут за десять мы перелистали все исходящие за девятнадцатое число — нет.

— Наверно, проходящая... — говорит Елена Владимировна. — Но с какого провода? — и она задумчиво глядит на бесчисленные соты полок, полные пачек телеграмм.

— А может быть она принята мною? — все еще стараюсь вспомнить я.

— Бор, Мартыново, тысяча десятый провод... — скороговоркой произносит контролер и отыскивает на полках нужную нам клеточку.

— Девятнадцатое... Так. Есть.

Листали мы недолго. Депеша нашлась. Принята от Мартынова. Читаем: «Ранен, поправляюсь. Беспокоюсь жене, ребенке. Выехали Таллина теплоходе «Сибирь». Убедительно прошу разыскать. Роо».

Он! Есть Роо! Он в Мартыновском госпитале. А жена его в нашем городе. Адрес ее мне известен — он написан внизу телеграммы Евгении Роо.

Я готов помчаться в город. Но через пять минут я должен быть у аппарата...

— Спасибо, Елена Владимировна.

— А скажите, как вы узнали число? — задержала она меня.

— Число?.. — мне пришлось сознаться. Говорю о своих записях, в которых отмечаю проходящие перед моими глазами события, а иногда и занятные мелочи.

Она удивлена.

— Кто вы по профессии? — спрашивает «Ленок», пристально глядя мне в глаза.

— Я расскажу Вам как-нибудь о себе подробно, милая Елена Владимировна, а сейчас мне нужно бежать на дежурство.

17 ноября

Из головы не выходит история с депешами Роо. И вот... закрадывается сомнение: а тот ли это Роо? Ведь в подписи телеграммы нет имени. Но обе телеграммы говорят о Таллине, — убеждаю я сам себя. — Да, это так. Но... возможно простое совпадение, — не уступает голос сомнения. — Как быть? Конечно, я не

должен делать поспешных выводов, я не имею права ити к Евгении Роо. Как быть?..

Тут мой аппарат подсказал мне выход. Я работаю с Артемовой. Рассказываю все ей.

— В нашем госпитале есть капитан Роо. Наднях он должен выписаться, — говорит она.

— Откуда вы знаете?

Оказывается, Артемова — профорг «телеграфного цеха» мартьяновской конторы связи. По ее инициативе телеграфисты — частые посетители госпиталя. Они читают раненым бойцам газеты, книги, пишут под их диктовку письма на родину, ну, и, конечно, телеграммы. Телеграфисты сами доставляют в госпиталь ответные телеграммы, а заодно и письма. Они там желанные гости. Чудесная инициатива! Чуткая, теплая забота о раненых — это настоящая общественная работа.

18 ноября

На следующую ночь я первым долгом вызвал Мартьяново.

— Привет.

— Привет.

— Вы ходили?..

— Аугуст, — не дает мне закончить вопрос Артемова.

— Он! — и выбиваю и кричу я.

Прямо с дежурства, не заходя домой, направляюсь по известному мне адресу Евгении Роо. У калитки я столкнулся с высокой, стройной женщиной. Пышные волосы взбиты вверх, пальто с широкими поднятыми плечами. Она держит за руку прелестную девчурку шести — семи лет. Я не сомневаюсь — это она.

— Простите, Евгения Роо здесь живет? — все же спрашиваю я.

— Это я... — говорит она, испытующе смотрит на меня, и вдруг прозрачная бледность разливается по ее строгому, печальному лицу.

Я не помню, что говорил ей. Помню, она схватила меня за руку, до боли сжала ее.

— Жив... Здоров! — улыбаюсь я, сам потрясенный до глубины души.

Она видит — я не лгу. Она что-то лепечет, плачет. Мне трудно сдержать мое волнение.

— Мария! Наш папа жив! — восклицает она и покрывает лицо ребенка горячими поцелуями.

Через полчаса мы были на почтамте. Я писал телеграмму Аугусту Роо: от волнения перо вываливалось из пальцев Евгении Роо.

Передавал телеграмму не я. Ответ принимать мне также не пришлось. Я был свободен эти полтора дня от дежурства. Но я знал: Аугуст нашел Евгению, Евгения нашла Аугуста.

А виной всему случайная запись. Одна скучая строчка принесла столько радости, счастья.

20 ноября

Каждые пять дней алюминиевый комбинат сообщает телеграфными сводками в главк о выпуске продукции. Вступая в дежурство, я сегодня справился у моей сменщицы. Она говорит: 254 процента. Неуклонный рост.

21 ноября

С интересом наблюдаю за нашим бригадиром Семеном Ивановичем. Это довольно флегматичный, ровный в обращении и поведении человек. Прекрасно работает на аппаратах Морзе, Бодо, Юза, на телетайпе. Он имеет большие технические познания и даже ведет какую-то дисциплину в местном техникуме связи. Как бригадир он имеет одно очень симпатичное мне (наверно и всем) качество. Он незаметен. Спокойно и ровно, без крика и аффектации, делает он свое дело, никого не тревожит, ни к кому бесполезку не «вяжется», никак не выпячивает своего «главенства». Даже по те-

лефону говорит тихо, не врываюсь в монотонное журчание аппаратов клопферной. Полная противоположность некоторым другим бригадирам, одно появление которых сразу же свидетельствует, что прибыл бригадир: суетливость, нервозный крик по телефону, повышенный тон в разговоре с телеграфистами.

Не таков Семен Иванович. Иногда он кажется посторонним в клопферной. Но я имел не один случай убедиться, что он прекрасно осведомлен о работе смены и в трудные минуты появляется там, где это необходимо.

Сегодня Семен Иванович проверял остатки депеш от предыдущей смены, подошел к моему проводу.

— Особо важных нет? — спрашивает он и берет пачку депеш.

— Нет. Я там, Семен Иванович, подобрал для передачи в порядке спешности.

— Вижу. А как вы «молнии» передаете?

Ага! Наверно, он «изучил» мои журнальные записи. Признаюсь в нарушении установленного порядка. Говорю и жду: что-то скажет бригадир?

— Вы правы, — медленно произносит он. — Жизнь вносит свои поправки в правила. Конечно, всякая частная «молния» менее важна, чем директива заводу, хотя она и не «молния».

Я был рад, услышав это подтверждение моего мнения.

25 ноября

Когда я принимаю сводку Борчанского комбината, я говорю:

— Алюминий!

— и протягиваю ее Михаилу Николаевичу. Он не менее меня интересуется делами алюминищиков.

Сегодня я похвалился — 274 процента!

А через несколько минут (надо же такое совпадение!) мне принесли депешу для Бора. Правительство дало

новое задание комбинату: к 1 января вырабатывать 400 процентов нормы мирного времени.

— Справятся ли? — показываю Михаилу Николаевичу.

— Дадут! — уверенно говорит он. — Это же уральцы. Советский народ.

И я тоже верю: будет сырье для авиазаводов! Не подкачают алюминщики.

27 ноября

«Здорова, обеспокоена твоим молчанием». Это вторая телеграмма в адрес ленинградского папаши. Почему ты молчишь, папаша? Вот тебе и «ходи осторожно».

29 ноября

Есть в Мартынове телеграфисты, которых нужно вызывать несколько минут кряду.

Мрт, Мрт, Мрт — повторяешь без числа и меры, пока добьешься ответа. Артемову не приходится долго вызывать. Она очень аккуратна и усидчива. И сегодня, едва я выбиваю «Мрт», она уже отвечает:

— Я тут.

Это ускоряет работу. И самое это «я тут» вместо официального «я Мрт» как-то сближает не видящих друг друга работников.

Сегодня она передала мне депешу, адресованную в воинскую часть:

«Вызов принимаю. Даю слово: мой отбойный молоток не уступит твоему автомату. Обязуюсь сугточное задание выполнять на 200 процентов. Привет от шахтеров, от семьи. Жди письма. Степан».

— Они и в шахте соревновались, — говорит Артемова. — Степан меньшой брат, Николай старший. Хорошие ребята. Письмо Николая напечатано в газете.

Меня заинтересовала эта переписка. Дома я нашел в газете письмо Николая.

«Здравствуй, Степа, — пишет он, — живу хорошо, ожидаю лучшего, потому что скоро мы пойдем на фронт бить немецких стервятников. Готовимся мы день и ночь — учимся. Я учусь хорошо, автоматом владею на «отлично». Заверяю тебя и всех товарищей шахтеров, что буду драться смело, с достоинством. Будьте уверены, жизнь свою я даром не отдам. Не нужно думать, брат, о том, что Гитлер нас поработит. Сколько он ни скачет, но мы ему дадим луку с дером, вышвырнем с нашей земли.

Пиши, как работает шахта. Давайте побольше антракиту нашим уральским заводам. Работайте крепко, помните о тех, кто в бою, кто не спит день и ночь, потому что им поручили партия и правительство защищать родину. Значит, надо и вам выполнять свой долг перед родиной, взяться за дело обеими руками.

Вызываю тебя, Степан, на соревнование: дисциплина, политподготовка, боевая подготовка, строящая подготовка — на «отлично». За период службы в Красной Армии обязуюсь взысканий не иметь.

Привет товарищам шахтерам. Привет родным.

Николай Кочин».

Братья Кочины вступили в соревнование. Их разделяют тысячи километров, но борются они за общее дело. И оба они победят.

30 ноября

Над борчанскими сводками склоняются уже несколько голов. Даже флегматичный Семен Иванович — и тот загорается, услышав мое:

— Алюминий!

Сегодня было 332 процента. Алюминщики поняли, что «допустимая» мощность электролитных цехов — это

не есть «возможная». Они находят новые возможности. Они борются за выполнение почетного правительственного задания.

1 декабря

Татьяна Сергеевна в последние дни нервничает. Где ее обычная выдержка, уравновешенность? Лицо омрачилось, редко появляется на нем славная ее улыбка.

Она отмалчивается.

Я присматриваюсь. Вижу — провод зашифрован. Это у лучшего работника смены! Да и в других сменах на этом проводе работают «лихачи».

Нет-нет, да забирают с провода замедленные телеграммы и отправляют почтой.

Конечно, самолюбие Татьяны Сергеевны этим сильно задето. Я просмотрел ее выработку за последнюю десятидневку. Каждый день повышение. Она напрягает все силы — достигла уже 170 процентов. А накопление не уменьшается...

Вчера к аппарату сестрицы довольно часто подходил Семен Иванович. Он брал депеши, проглядывал их, потом направлялся к другим аппаратам, снова возвращался, снова перебирал депеши, что-то подсчитывал на бумажке. Сестрица сперва поглядывала на него недружелюбно, на вопросы отвечала отрывисто. Он что-то долго говорил ей, убеждал. Вижу — повеселела, улыбается.

К концу дежурства у аппарата Татьяны Сергеевны появились начальник смены, Семен Иванович, сменный механик. Опять что-то долго обсуждали. А потом вдруг над аппаратом повесили новую табличку с новой нумерацией проводов.

«Кризис» у Татьяны Сергеевны миновал. И я узнал «историю болезни» сестрицы. У нее за аппаратом — «скворечница». Аппарат обслуживает два провода. В мирное время этим достигалась полная загрузка ра-

бочего времени. А в последние дни в обоих пунктах, с которыми работает Татьяна Сергеевна, пущены в ход эвакуированные оборонные предприятия. Количество телеграмм непомерно возросло. Все частные депеши залеживались, потом отправлялись почтой. Последнее обстоятельство и нервировало Татьяну Сергеевну — у нее, да вдруг «почто-телеграммы». Она старалась вытянуть работу. Но это было сверх возможного. Теперь один из проводов у нее заменен менее нагруженным. Работа вошла в норму.

Я пожурил ее за излишнюю щепетильность. Она и сама понимает теперь, что это было неразумно, даже вредно для дела.

Да. Нагрузка проводов меняется. Привычные представления об их работе ломаются. Семен Иванович изучает нагрузку, особенно на аппаратах со «скворечницами».

2 декабря

Снова:

«Волнуюсь, обеспокоена твоим молчанием».

А вслед — другая телеграмма:

«Умоляю сообщить о благополучии мужа». Это — в адрес начальника цеха ленинградского завода, на котором работает злополучный будущий отец.

Под Ленинградом жестокие бои, к городу прорываются стаи фашистских коршунов... Эвакуированная в тыл жена в тягостном неведении о судьбе мужа. И это перед родами. Каково это все для здоровья ее, ребенка!..

Я помню: раньше по адресу «судье Моториной для Колесовой» в Мартыново регулярно шли депеши — каждые пять дней. А вот уже больше двух недель депеш этих нет. Что случилось с Колесовым?

Я начинаю близко к сердцу принимать волнение неизвестной мне женщины.

4 декабря

Из Ленинграда было несколько телеграмм. Приняты не по проводам, как обычно, а по радио. Видно, где-то связь нарушена.

А Колесовой телеграммы нет.

И снова депеша, уже на имя директора завода:

«Умоляю, сообщите, не скрывая, что мужем моим Колесовым, работающим цехе № 1...»

Принимал я ее в конце дежурства. И, даже прия домой, не мог избавиться от тяжелого чувства тревоги.

Чужие мне люди. Не знаю я их. А не могу...

5 декабря

Болельщиками алюминия стала вся смена.

— Сводка была? — спрашивает Татьяна Сергеевна. Михаил Николаевич улыбается.

А я у Бора спрашиваю:

— Как сводка комбината?

— Ишь, и они интересуются, — довольна Ощепкова.

В Бору тоже, значит, интересуются. А почему, собственно, им не интересоваться? Что это, наша только привилегия?

Дала Нина долгожданную сводку — 362 процента.

— Я же говорил тебе... — заявляет мне приятель.

Он говорил! А мы молчали разве? Все мы знаем: «Фронту нужно — будет сделано». Таков теперь закон всех советских людей.

6 декабря

Что с Колесовым?

Я спрашиваю у дежурившей ночью телеграфистки.

— Нет. Моториной для Колесовой телеграммы не передавала, — говорит она.

А может, вчера была? Ожидаю смены.

— Из Ленинграда вообще не было телеграмм, — говорит моя сменщица.

Что с Колесовым?..

7 декабря

Поступило распоряжение Наркомата связи: частные «молнии» не принимать вовсе, размер всех частных телеграмм ограничивается двадцатью словами.

Телеграф пошел наконец в ногу с жизнью. Интересы государства, промышленности, работающей целиком для фронта, — превыше частных дел.

Я был прав, когда самовольничал с частными «молниями».

8 декабря

Шутки ради вместо обычного Мрт я как-то выбил короткое А. Это — первая буква и фамилии и имени Аси Артемовой. И вдруг слышу тоже короткое:

— Я.

— Вы не обижаетесь? — смутился я.

— Нет. Так проще и приятнее.

Она меня вызывает также коротким Л. Я отвечаю. Дружба это? Наверно, дружба. Работается мне с Артемовой хорошо и легко.

Ася, видно, поняла, что мне трудно угнаться за нею при приеме, и к концу дежурства начала работать медленнее. Я брал вслед, кое-что ловил на слух. И что же оказалось?! Принимая вслед более медленную работу, я принял больше, нежели при списывании «вслед с под стола» быстрой работы.

— Хорошо так? — спросила Ася.

— Хрш. Блг. Но это вас затрудняет.

— Нисколько. Мне все равно — быстро или медленно работать.

Это верно. Артемова очень легко меняет темп работы, и это ничуть не отражается на четкости ее, ясности. Да, она телеграфист-виртуоз.

9 декабря

Попросил Елену Владимировну проверить, не будет ли телеграммы для Колесовой. Ведь она читает почти все, что проходит через наш телеграф.

Она обещала не забыть и сразу же принести мне, если такая телеграмма появится.

После истории с депешами Роо у меня с Еленой Владимировной установились приятельские отношения. Она сочувствует моим волнениям. Она недовольна только тем, что я до сих пор не рассказал ей, кем я был до поступления на телеграф.

А депеши Колесовой так и не было до конца дежурства.

10 декабря

Наконец-то!

«Ваш муж жив, здоров. Находится за городом ответственным заданием», — читаю телеграмму, которую молча подала мне Елена Владимировна. Телеграмма пахнет свежим гуммиарабиком, наклеенная на ней лента влажна, — она только что принята по радио.

— Спасибо, Елена Владимировна! — говорю я так, будто телеграмма адресована мне.

Вот он, долгожданный ответ. Как же будет рада Колесова! Хотелось немедленно передать телеграмму в Мартыново. А я работаю с Бором.. И до конца сеанса еще пятнадцать минут. Перебить? Нет. Не годится. Я ведь старался отучить Бор от споров, перебранки. Не следует самому давать повод для них.

Мне не терпится. Кое-как заканчиваю сеанс с Бором. Выбиваю:

— А.

Сейчас же следует ответное:

— Я.

— Для Колесовой из Ленинграда, — торопливо говорю я Артемовой.

— Наконец-то! — обрадовалась и она. — Исстрадалась бедн... — и пошли вдруг на ленте куцые, неровные тире. Ни одной точки.

Это у Артемовой!

?

?

?

Вопросы мои — с клочковатыми точками и рваными тире. Я не получаю на них ответа... Потом снова появляются тире. Одни бестолковые тире. Что-то случилось с батареей.

— Току! — кричу я. — Давайте току!

Дали мне току. Бесполезно. Ключ не выдерживает моих нервных рывков. Бросаю его и сижу нахолившись, угрюмый, злой. Меня, видимо, зовут — на ленте нет-нет, да появляются тире... А что я могу сделать?

Ненавистная морзянка... Она бессильна перед внезапно налетевшей магнитной бурей.

Магнитная буря — частое явление на Урале, дезорганизующее работу связи. Она захватывает иногда все провода. Звучание аппаратов вдруг глохнет, становится косноязычным. На ленте идут одни тире. Точки повисают где-то на далеких столбах, да и тире даются с трудом. А что в них толку?..

Телеграфисты нервничают. Только и слышно:

— Току!

— Току давайте!

Семен Иванович мечется у распределительной доски. Но и новые порции тока не могут превозмочь магнитной бури. Бригадир наш бессилен перед стихией.

Битый час сидел я бездельником у аппарата. А передо мной — небольшой листок бумаги с ондуляторными иероглифами. Читаю я их уже давно свободно, без помощи накладного листка. Да эту телеграмму мне и читать не надо — наизусть знаю, от номера до подписи.

Славные загогулинки, несущие столько радости и Э-
нывшему в тоске сердцу.

Смотрю — повеселели мои товарищи, склонились над
аппаратами. Отчетливый, чистый звук несется со всех
сторон. Хватаюсь за ключ — есть! Отступила безрассуд-
ная стихия, стихла магнитная буря.

— Вы меня понимаете? — читаю четкий шрифт Арте-
мовой.

— Понимаю!

— Ну, что там у вас? Не знаю, как быть. Она сама
здесь. Шла мимо, ее позвали...

— Жив, здоров, — выбиваю я и, как могу быстрее,
передаю телеграмму.

— Она плачет, — говорит Артемова.

— Пусть поплачет. Легче станет.

Артемова работает нервно и неровно. Перебои. Что
с ней?

— А вы чего? — грубо вырвалось у меня.

— У меня муж тоже месяц не пишет.

Вот те и раз! Ну, конечно, и она плачет. Одну пора-
довал, другую расстроил.

— А он где?

— На фронте.

— Напишет. Видите, Колесовой телеграфируют, —
стараюсь я утешить.

— А вы почему не на фронте? — получаю неожидан-
ный и резонный вопрос.

— Придет и моя пора, — говорю. — Подвинутся на-
ши войска к моим родным местам, там и я пригожусь.

— Ага! Понятно.

Мы кончаем работать.

— Привет, — говорю я Асе на прощанье.

18 декабря

Я поднимался по лестнице в вестибюль ЦТ. Еще не
доходя до площадки, вижу знакомые мне фигуры строй-
ной женщины и девочки. С ними высокий военный.

Девочка первая заметила меня. Она бросается ко мне, хватает за руку.

— Папа! — кричит она. — Вот этот дядя!

Я окружён семьей Руо. Мне крепко жмут руки.

Я очень смущен...

На мужественном лице Руо пробивается краска слабого румянца.

— Я пользовался телеграфом, но я никогда не думал о его людях, — говорит он. — Телеграф для меня был чем-то отвлечённым, неодушевлённым... Я воспринимал его, как четкий, но, простите меня, бездушный механизм...

Я слушаю его и думаю: ведь почти так же смотрел на телеграф недавно и я, хотя у меня уже был опыт работы телеграфистом. Тогда я многое не замечал, не понимал...

Оказывается, капитан Руо собирается снова на фронт.

— Мое место там, под Ленинградом, — лицо его становится суровым. — Я должен и буду биться за свободу моей дорогой Эстонии, моей родины, за счастье моего народа.

Он прижимает к себе Марию и продолжает:

— А за эти дни свидания с семьёй, дающие мне новые силы, я еще раз благодарю вас...

Я долго смотрел вслед выходящей на шумную, яркую от свежевыпавшего снега улицу семье Руо. И трудно передать чувства, овладевшие мною...

19 декабря

— А нельзя ли быстрее? — сказал я сегодня Артемовой. Медленную ее работу я уже свободно беру на слух.

— Ха-ха-ха... — слышу в ответ: я спросил ее той же фразой, с которой началось наше знакомство. — Включайте клопфер, вам будет легче брать.

Включаю клопфер. Артемова работает быстрее. По-

жалуй, если бы все мои партнеры работали так четко, я давно был бы слухачом. Принимаю, не отстаю.

Татьяна Сергеевна удивленно поднимает брови.

— На слу-ух?

— А что же! Довольно на каждом собрании пояснять, что я морзист. Теперь диспетчер Наркомата не будет ошибаться.

— Эй, эй! Слухач! — кричит через стекло Михаил Николаевич. — Ай-да славно! Ничё, ничё, старайся! Знай наших! — он торжествующе оглядывает ряды сидящих за аппаратами телеграфистов.

Моя радость, радость новоиспеченного клопфериста, стала радостью всех моих товарищей.

В столовой Татьяна Сергеевна говорит:

— Ну, братец, довольно в прятки играть. Подписываем договор на соцсоревнование.

Я брал на себя ряд обязательств. И я выполнял их. Но я ни с кем не соревновался. Считал, что это мне не под силу.

Сегодняшний успех окрылил меня. Мы быстро составляем договор. И... все-таки я задумался. Насчет замедлений, искаложений — не боюсь, тут я вытяну. Дисциплина? Я не был срывщиком и не буду. А вот дать 160 процентов — это сложнее... Но Татьяна Сергеевна обязуется дать 180 процентов. Ладно. Я подписал договор.

— Я арбитр, — заявляет Михаил Николаевич. — Держитесь у меня! За невыполнение буду карать жестоко.

Я рассказываю Артемовой о моем договоре и благодарю ее за то, что помогла мне стать слухачом.

— Знаете, — говорит она, — я тоже начала брать на слух. Ленилась раньше что ли? А теперь увидела — с ленты ведь труднее.

Я рад был слышать это. Теперь Артемова — действительно первоклассный работник.

— Получайте за это депешу Кочину.

— Степану? Ай, как хорошо!

Передаю:

«Обязательство выполняю. Участвовал в боях.

Пробуравил автоматом 48 фашистов. Буду вести счет и дальше. Как с антрацитом? Сколько рубаешь? Привет семье.

Николай».

— Молодец старший братец. Вот како ѡ наш Николай! Ну, и Степан не отстает.

Артемову тоже интересует соревнование земляков-шахтеров.

— Что же Степан не сообщает о своих успехах?

— Он к новому году сюрприз готовит.

Она и это знает!

Перед сменой Ася говорит:

— Наши войска заняли Волоколамск и Войбокало.

Немцы катятся от Москвы, разжимается вражье кольцо под Ленинградом. Хорошие новости! Эти новости я всегда узнаю от Артемовой. От нее я услыхал о взятии Ростова, Ельца, Калинина.

Коллеги мои посмеиваются:

— Хорошего политинформатора нашел!..

Правда, это немного странно: новости мы узнаем от... Мартынова. К сводке Советского Информбюро Артемова включает репродуктор, и вскоре я слышу:

— Л.

И тогда «включаемся» в новости и мы. Сгрудинувшись у аппарата, читаем асину политинформацию.

21 декабря

«Даю 230 процентов. Будет и больше. Вся семья рада твоим успехам. Поздравляем тебя с новым годом. Желаем новых боевых успехов. Не давай жизни фашистским стервецам, бей метко и крепко».

Не стерпел-таки Степан! Ответил брату. Обязательство свое он перевыполняет. Какой же он готовит сюрприз? Один «буравит автоматом», другой «стреляет от бойным молотком». Шахтеры!

А ведь верно: оружие их и с виду имеет много общего и в работе действует одинаково — стреляет и подрагивает.

22 декабря

Какой сегодня чудесный день! У всей нашей смены приподнятое, праздничное настроение.

Я принимал депешу из Бора. От коллектива алюминиевого комбината. Сжатым телеграфным языком коллектив рапортовал Сталину и правительству: «Задание выполнено досрочно. 21 декабря дано 402 процента нормы мирного времени».

Я раздельно и четко произнес:

— Алюминий — четыреста два.

У меня отняли депешу. Ее читал Михаил Николаевич, но за ней тянулись уже нетерпеливые руки других товарищев. Всем хотелось своими глазами прочитать этот рапорт. Он был краток, почти сух. Но каждое слово его звучало, пело.

Победа! Какая победа! С именем Сталина, одобравшего их почин, боролись алюминщики за выполнение правительственного задания. И с честью победили.

Я представляю себе, какое торжество теперь на комбинате, какой новый подъем охватил его коллектив. Мне так хочется хоть на миг очутиться там, хоть одним глазом глянуть на этих людей, хоть одному из них пожать руку.

— Эх... — говорит Михаил Николаевич. — Туда бы на часок, на минуту бы...

Я вижу — все так думают. Все охвачены гордой радостью за победу алюминщиков.

Их подвиг — незримый нами, но кровно близкий —

будто отраженным могучим сиянием своим озаряет и наш небольшой коллектив. Он зовет к борьбе и победам.

Все уже за аппаратами. Работают. И в сердцах у всех самое чистое, самое прекрасное человеческое чувство — радость. И на лицах блуждают такие хорошие, такие лучистые улыбки.

27 декабря

Все заметнее становится приближение нового года. Нескончаемым, все увеличивающимся потоком идут поздравительные телеграммы.

Лесоводу с далекой окраины нашей области телеграфирует его друг, врач госпиталя:

«Поздравляю с успехом. Пихтовый бальзам, добытый тобой на Северном Урале, обладает замечательными лечебными свойствами. Способствует быстрому заживанию ран, облегчает страдания раненых бойцов. В новом году желаю новых творческих успехов. Обнимаю тебя, семью».

Часа через три я читал ответную телеграмму лесовода:

«Взволнован твоей телеграммой. Рад, горжусь успехом. Приступаю к разработке вопроса производственной добычи пихтового бальзама. Все свои силы отдаю быстрейшему осуществлению увлекающей меня задачи».

Я мысленно желаю успеха скромному лесоводу, нашедшему такое прекрасное применение своим силам в суровые дни, переживаемые страной.

Показываю телеграмму Михаилу Николаевичу. Его глаза загорелись.

— Как славно! Ах, как славно... Ты понимаешь... Ты понимаешь: каленое железо врагам, живительный бальзам нашим богатырям! А? Вот какие мы, уральцы! — и он, гордо подняв телеграмму, потрясает ею над головой.

А в самом конце дежурства Наденка Федоровна передает:

«Поздравляю сыном. Здоровый, крепкий, чудный мальчуган. Катя чувствует себя хорошо. С новым годом, с новыми победами, дорогой Павел!»

Моторина.

Это Колесову, в Ленинград. «Ну вот, получай новогодний подарок, товарищ Колесов. Работай по-боевому — для счастья семьи, для счастья родины», — думаю я.

1 января 1942 года

Новый год я встречал на дежурстве.

В 24 часа подошел к аппарату и сразу услыхал:

— Л.

— Выбиваю:

— Я.

— С новым годом, Леонид Сергеевич! Желаю вам скорее вернуться в родные края. Желаю здоровья, счастья, кипучей работы и чтобы работа приносила вам постоянную радость.

Что сказать мне моей приятельнице?

— Желаю и вам большого счастья, Анастасия Петровна. Желаю исполнения всех ваших желаний, даже самых сокровенных, о которых вы думаете робко и в которых боитесь самой себе признаться.

Поздравлениями обмениваются все товарищи по смене. Чудесные, трогательные минуты.

Потом мы приступаем к работе. Работы много. Все еще идут новогодние телеграммы. И среди них я встречаю знакомые мне, близкие имена.

От ленинградца Колесова я передавал в Мартыново переводную телеграмму — сынишке на молочишко. Были в переводе этом и слова счастливого отца:

«Безумно рад. Береги себя, сына. Работаю уделяющейся энергией. С новым, счастливым годом, дорогие мои!»

Николай Кочин сообщал брату:

«Счет продолжаю. 94 гитлеровских мерзавца сложили голову под моими пулями. Берегу автомат, мимо не стреляю. Семью, шахтеров-друзей поздравляю с новым годом — годом великих побед нашей родины».

— Молодец Коля, — говорит Ася. — Молодец и Степа. Я звонила на шахту только что. 350 процентов уже дал. Вот сменюсь — вместе Николаю напишем.

— Почему вместе? — не утерпел я.

— Как почему? Они же братья.

— Ну да, вы говорили — Николай старший, Степан младший.

— А я — средняя сестра, — объясняет она.
Я оторопел.

— Сестра?!

— Ну да, сестра. Я же говорила вам.
Мне даже обидно.

— Ничего вы не говорили. Вы только сказали, что они братья, а не сказали «мои».

— Разве? Ха-ха-ха, — заливается смехом аппарат.

Какова семейка? Трое виртуозов своего дела. Ни одного отстающего.

К утру Ася сообщила о новогоднем подарке стране от нашей славной Красной Армии:

— Взята Калуга.

Завершился бой за Москву! Разгромлен Гудериан. Не видать поганой немчуры нашей Москвы.

Приятно прошло это ночное дежурство. На фронте и в тылу — все работали не покладая рук. И с гордостью делились в эти дни кануна нового года своими победами советские люди.

С победами вступаем мы в новый год — год окончательного торжества над врагом.

3 января

Часа через три после начала дежурства в двери клофферной появился Михаил Николаевич и поманил меня пальцем. Тут только сообразил я, что ведь сегодня у него не выходной.

— Ты где это загулял, Михаил Николаевич?

Он не ответил и повлек меня в курилку.

— Закурим последний разок вместе, — достает он портсигар.

Я недоумеваю.

— За расчетом пришел, — снова загадочно говорит он.

— Да что ты!.. Говори толком.

— Уезжаю от вас, — не меняет он тона.

— Да ну тебя, брось! — рассердился я.

Он удовлетворенно смеется.

— Ага! Озлился?

Я досадливо махнул рукой.

— Еду на фронт, в восстановительную колонну связи, — гордо произносит он. — Видал по карте, сколько отбили у поганого фашиста нашей земли? Ну вот. Связь налаживать буду. Хватит ключом баловаться.

— Поздравляю. От души поздравляю, дорогой Михаил Николаевич! — Я крепко жму ему руку.

— И тебя скоро вызову! А?

— Да уж жду. Рад буду.

— То-то. Ну, бывай.

— Писать будешь?

— Напишу, — и он идет к дверям. Потом останавливается. — Чорт побери, неудобно во время дежурства. Робят люди. Но и так пойти неладно...

И он возвращается в аппаратную, идет по рядам и пожимает руки товарищам. Хорошие, светлые улыбки провожают его до дверей.

— Счастливо, Михаил Николаевич! Давай крепкую связь!

— Дадим! — поднимает он руку на прощанье.

Эх, Михаил Николаевич!.. Скучно мне будет без тебя.

Ну, ничего. Может, встретимся еще...

8 января

Сегодня я на три часа задержал передачу одной телеграммы. Даже Татьяна Сергеевна не возражала и обещала не считать это замедление срывом нашего договора. Не было нашего строгого арбитра. Но я думаю, Михаил Николаевич также не пожурил бы меня за это замедление.

За час до моей смены должна была вступить в дежурство Артемова. И я отложил эту телеграмму до ее прихода. Мне хотелось передать телеграмму самому адресату.

Пришла Ася. Мы поздоровались.

— Одну самую срочную НП, — сказал я ей.

— Одну?

— Да, одну, больше нет.

— ПО.

— Артемовой, — говорю я, — с фронта. — И передаю:

«Вышел окружения. Здоров. Привет всем вам, родные».

— Блг, Леонид Сергеевич, за новогодний подарок. Теперь я счастлива вполне. Ваши пожелания начинают осуществляться.

Да. Это был новогодний подарок Асе. Немного запоздалый, но самый драгоценный. Я не знаю подробностей, но уверен, что асин муж, лейтенант Красной Армии, выполнил боевое задание.

11 января

Сегодня Татьяна Сергеевна не встретила меня своей обычной добродушной, приветливой улыбкой. Вид у нее взволнованный и огорченный.

Выясняется, что Семен Иванович назначен бригадиром юзистов, а Татьяна Сергеевна — нашим бригадиром.

Татьяна Сергеевна жалуется: она любит работать на аппарате. Она не умеет и не хочет «командовать». Она не желает быть начальником.

Я убеждаю ее, что она должна быть бригадиром. И Семен Иванович никогда не командовал, а смену вел умело и толково. И работа эта очень интересная. И все ее уважают, поддержат.

— А наше соревнование? Рады, что не надо догонять?

Я возражаю: у нее 178 процентов, у меня 156. Значит, соревновались неплохо. И можно договор наново пересоставить: ведь и у бригадира есть показатели работы, по которым можно соревноваться. Но... захочет ли она со мной соревноваться, с рядовым телеграфистом?

Она смеется.

За работой Татьяна Сергеевна «отошла». Обычная тихая улыбка освещает ее лицо, разгладились морщинки недовольства на лбу.

Ну, вот и хорошо.

17 января

В клопферной часто можно услышать слова «по методу Семена Ивановича». Это говорят тогда, когда в «скворечницах» меняют провода.

Случай с Татьяной Сергеевной, когда Семен Иванович устранил замедление телеграмм, умело переключив обслуживаемые провода, как бы открыл глаза на наши технические возможности. Теперь телеграфисты часто прибегают к «методу Семена Ивановича».

Хотя и работает Семен Иванович не у нас, но его не забыли в клопферной.

Хорошие дела хорошо запоминаются!

Татьяна Сергеевна развила и усовершенствовала этот метод. Она иногда не переключает загруженные провода, а временно выделяет один из них. Вот, к примеру, закончу я работу на своем проводе — она пересаживает меня на час-два на запасный аппарат и включает в него один из проводов от загруженного аппарата со «скворечницей». Смотришь — часа за два и расштыны оба провода. А за моим аппаратом эти два часа наблюдает сосед.

Так к «методу Семена Ивановича» прибавился у нас еще «метод Татьяны Сергеевны».

А она «боялась» быть бригадиром. Теперь не жалуется. Видит, конечно, что приносит больше пользы, нежели дежуря на одном аппарате.

24 января

Выпадают иногда подряд такие дни, когда каждый из них приносит много приятного и не знаешь, который из них лучше. Последние дни были для меня как раз такими.

Великолепные дела на фронте. Красная Армия гонит вшивую немчуру так, что только обмороженные пятки сверкают.

В сводке Советского Информбюро я прочитал о снайперском отделении сержанта Николая Кочина. Он прорубавил своим автоматом 180 фашистов. Каждый боец его отделения считает делом чести не отставать от своего командира. Они ведут свои «личные счета» смертельной мести наглому врагу. Их примеру следуют другие. Шахтер Николай Кочин возглавил снайперов-автоматчиков высшего класса.

Брат его Степан стал десятником на участке шахты.

Ася Артемова волновалась, спрашивая ли Степан. Сего дня говорит:

— Ничего. Справляется.

На шахте растет добыча угля. Будет новый центр для уральских домен, все меньше и меньше будут заботы о доставке на Урал кокса: антрацит заменит его.

Вчера Татьяна Сергеевна примчалась в аппаратную с газетой в руках.

— Вот... Борчанские алюминщики...

Мы не ждали, пока она переведет дыхание. Выхвалили газету из ее рук.

Указ Президиума Верховного Совета!

За успешное выполнение задания правительство награждает ряд борчанских патриотов орденами и медалями.

И снова мы переживаем светлую радость. Как тогда, когда алюминщики рапортовали о досрочном выполнении задания. И, как тогда, мы с новой энергией беремся за работу, стараясь работать лучше, больше.

Вскоре я принимаю от Бора телеграмму.

Митинг алюминщиков обратился к товарищу Сталину и правительству с благодарностью за награду. Давая уже 450 процентов обычной выработки, они обязались оправдать награду и довести выработку до 600 процентов.

Достойный ответ на достойную награду!

Не было с нами Михаила Николаевича. Но он узнает о торжестве алюминщиков из газет. Как рад будет он за своих земляков-уральцев!

Я вспоминаю. Наибольшей ценностью Урала российские промышленники-капиталисты считали изумруды. В нашем государстве наиценнейшим капиталом Урала являются его люди. Поднятые могучей рукой Сталина, вдохновленные отеческой лаской и словом его, они творят чудеса, уральские патриоты советской страны.

А сегодня принимаю телеграмму Колесовой мужу:

«Горячо поздравляем с высокой правительственной наградой. Гордимся тобой, дорогой Паша. Будь здоров и крепок. Желаем новых успехов в твоей работе».

Колесов награжден?

Требую газеты. Нахожу:

«За успешное выполнение задания правительства по освоению и производству вооружения и боеприпасов, повышающих боевую мощь Красной Армии, и по строительству оборонных сооружений вокруг Ленинграда...

Орденом Трудового Красного Знамени... Колесова Павла Игнатьевича, конструктора завода...»

Колесов — орденоносец.

В те дни, когда так волновалась его жена, когда се волнение остро переживали неведомые ей люди, муж ее выполнял ответственное задание.

Вот какие эти дни. Который из них лучше? Все хороши. Как дела людей, о которых узнал я в эти дни.

26 января

Славно, Михаил Николаевич, славно!

Порадовал меня приятель письмом. Сдержал свое слово.

«Продвигаемся следом за наступающими нашими частями. Еще земля гудит от близкой канонады, еще не убраны трупы поганых фашистов, а мы уже меняем разбитые столбы, срашиваем порванные взрывами бомб провода. В линию включаются воинские части. Ты понимаешь, как рады мои ребята, когда услышат в телефонную трубку:

— Алло! Кто говорит?

А потом:

— Спасибо, связисты! Работаете по-боевому!

Не надо нам лучшей награды, чем эти слова. Действуют провода, работает связь.

Мы идем и идем вперед. Вчера пошли под бомбёжку. Ничего! Ребята мои не слезли со столбов. Не испугали их и пули стервятников. Никогда, браток, укрываться. Ведь бойцы идут вперед, и им нужна связь со штабами.

А сегодня дошли до лощины, видим — берут, утекают немцы. Тут и я не стерпел. Сам ведь верхолазом был! Когти на сапоги — и полез на столб. Знай наших! Ведем связь к передовой линии. Работаем на столбах, а бой перед глазами. Мы знаем — победа наша будет, и смело ведем линию вперед, все вперед!».

Славно, Михаил Николаевич! Славно. Письмо его читала вся смена. После дежурства мы написали ему коллективно о наших делах. Все вспомнили. И новый «метод Татьяны Сергеевны». Написали на всякий случай и про борчанских алюминщиков, — а может, газета за этот день не попадется ему. Пусть порадуется вместе с нами.

30 января

Пришел он, долгожданный день.

— В армию, товарищ! — сказали мне сегодня в военкомате.

И вспомнились мне стихи земляка-поэта Максима Танка «Дорогой на Запад»:

«С зарей знамен к тебе вернусь,
Она блеснет в полях раздольных,
И вновь ты будешь, Беларусь,
Цвести в семье народов вольных».

Я буду принимать участие в освобождении от немецких оккупантов моей республики, моей родной Белоруссии. Я горжусь этим.

Я иду на телеграф, захожу в аппаратную. Вызываю Мартыново, Бор. Я слышу взволнованный ответный стук клопфера, — со мной говорят мои заочные друзья. Потом подхожу к Татьяне Сергеевне, моей названной сестрице.

— Хороший из вас телеграфист получился, — говорит она. — Желаю успеха и в боевых делах.

Я благодарю ее за все — за внимание, за помощь, за чуткость, за дружбу.

Прохожу по рядам аппаратов и крепко жму руки товарищам по работе, с которыми делил в эти месяцы и трудности и радости.

В треске и шуме большого зала, у одного из аппаратов Юза, я нашел Семена Ивановича. Мы идем с ним по залу, и он ровным своим, не нарушающим ритма работы голосом говорит:

— Главное, Леонид Сергеевич, техникой овладевайте. И в тылу и на фронте техника решает все.

Он прав, мой первый бригадир, прекрасный, опытный техник, глядя на которого я учился выдержке и спокойствию в работе.

Елены Владимировны я не вижу за столом контроля.

— Она в столовой, — говорят мне.

Толкнул дверь на лестницу и...

— Ай! — коротким вскриком встретила меня Елена Владимировна и, скривившись от боли, быстро машет рукой: я открыл дверь, когда она протянула к ней руку...

— Пока жениться — загоится! — уже смеется веселый контролер.

Она желает мне боевых подвигов. Потом, замявшись, неуверенно произносит:

— Говорят, вы инженер?

Что ж, нечего теперь «таиться». Я удовлетворяю наконец ее любопытство.

— А вы напишете книгу о телеграфистах? Правда? —
заглядывает она мне в глаза.

— Напишу. Она уже почти готова, — говорю я и
думаю: «Ведь правда. Кончена моя записная тетрадь.
Нужно начинать новую».

Я выхожу на улицу. Гляжу на бледноголубой фрон-
тон здания со строгими сверкающими накладными бук-
вами.

Пять месяцев работал я здесь. Как незаметно, как
быстро прошли они в кипучём, захватывающем труде...

Нет! Не жалею я этих дней. Они не потеряны для
меня.

Я увидел, я убедился, что телеграф — это не только
четкий механизм. Телеграф — это люди, делающие
большое, хотя и незаметное, дело. И разве только элек-
трический ток струится по туго натянутым, мерно гудя-
щим телеграфным проводам? Нет! В них бьется, пуль-
сирует многогранная, творческая, прекрасная жизнь на-
шей родины.

Я гляжу на высокое бледноголубое здание. Там си-
дят, склонившись над аппаратами, друзья мои, ощущаю-
щие мощное биение этой жизни.

— Прощайте, дорогие друзья... Нет! До свидания!
Дсв, милые мои, дсв!

Редактор *P. Мандельцвайг*

Подписано к печати 13/IV 1942 г.
2 п. л. 60000 зн. в 1 п. л., уч.-авт. л. 2,7.
Л44815. Заказ 361. Тираж 20000.

Типография Профиздата.
Москва, Крутицкий вал, 18.

Цена 1 руб.